

МОВНИЙ ТА МОВЛЕННЄВИЙ МАТЕРІАЛ У ЙОГО СЕМАНТИЧНІЙ, СТРУКТУРНІЙ ТА СТИЛІСТИЧНІЙ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

УДК 81'367.52.3=111=161.1=161.2

Образцова Е. М.,

Международный гуманитарный университет, г. Одесса

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПОДЛЕЖАЩЕГО В НОМИНАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Стаття аналізує морфолого-парадигматичні, семантичні та синтаксичні властивості елементів простого номінативного речення, виявляє його референційну семантику і кваліфікує семантичну роль підмета.

Ключові слова: *підмет, номінативне речення, семантична роль, експонант.*

The article qualifies the semantic role of the Subject in a nominative simple sentence on the basis of revealing and contrasting morphological, syntactic and semantic (vocabulary and referential) features of the sentence and its constituents.

Key words: *nominative sentence, Subject, semantic role, exponant.*

На протяжении столетий предложение как “центр языка” остается в фокусе внимания лингвистики, неизменно предоставляя исследователям разнообразие явлений для изучения и сравнения, новые темы для обдумывания и веские основания для выдвижения все новых гипотез и выводов. Семантический синтаксис рассматривает структуру высказывания как перечень актуализированных смысловых ролей – Агенса, Пациенса, Локатива и т. п. в предикатно-актантной рамке и противопоставляет субъективный оценочно-модальный компонент семантики предложения (модус) объективному (пропозиции). Однако “разграничение актантов и сирконстантов, соотносимых с категориями членов предложения, остается одной из нерешенных проблем” [1, с. 20], поскольку “вопросы семантической классификации аргументов и предикатов, их семантической структуры, равно как семантической структуры образуемых ими предложений и словосочетаний к настоящему времени еще не вышли из стадии разработки, и тут еще немного отстоявшихся общепринятых результатов, Нет единообразия и в терминах (...) Номен-

клатура, системные отношения и обозначения классов аргументов подлежат разработке и уточнению, равно как и зависимости между синтаксической семантикой аргумента, лексическим значением имени – аргумента, значением и семантической структурой предиката. Пока они намечены лишь в первом приближении” [8, с. 602-604].

Номинативные предложения в лингвистике, если и рассматривались, то в связи с типом предиката (бытия) и типологией связочных глаголов. Как синтаксическое построение и смысло-ролевая структура этот тип высказываний исследован недостаточно: “не все логико-синтаксические типы предложений русского языка одинаково исследованы. Предложения характеристики еще не были предметом специального анализа” [7, с. 159]. В частности, лингвистика не квалифицирует семантическую роль подлежащего в таких высказываниях.

Поэтому **целью** настоящей статьи является на основании сопоставления морфолого-парадигматических, синтаксических и лексико-семантических характеристик элементов номинативных предложений и выявления референтной семантики высказывания и его составляющих определить смысловую (семантическую) роль подлежащего в номинативных предложениях (характеризации). **Объектом** исследования послужили простые неэллиптированные повествовательные номинативные предложения-характеризации английского (Ая), русского (Ря) и украинского (Уя) языков. **Предмет** исследования составляют морфолого-парадигматические, лексико-семантические и синтаксические характеристики лексем, функционирующих в номинативном предложении в качестве подлежащего, связочного глагола и предикатива, референтная семантика предложения и его частей, семантическая роль подлежащего. Представленные в данном разделе описание, аргументация и вытекающие из них выводы базируются на анализе 3 000 примеров – по 1 000 примеров для (Ая), (Ря) и (Уя). Рассмотрим последовательно характеристики каждого из обязательных элементов предложений данного типа и сопоставим их сочетаемости для выявления референтной семантики высказывания в целом и его составляющих, определения смысло-ролевой модели (моделей) и, в результате, квалификации смысловой роли подлежащего.

Подлежащее. Для подвыборок всех трех языков в данном типе предложений в синтаксической функции подлежащего, как правило, выступает отдельное слово. Наиболее частотной частью речи является имя существительное нарицательное. Вторую позицию по частотности занимает для всех подвыборок личное местоимение, употребленное как слово-заместитель при повторной номинации. В значительно меньшей степени употреблены местоимения других разрядов. Обращает на себя внимание больший диапазон различий в частотности употреблений имен

существительных и местоимений в подвыборке Уя. Распределение вариативности в подвыборках Ря и Ая гораздо равномернее.

1. *Заливной судак был хорош.* [Д. Гранин]; *Статья на твердой фотобумаге выглядела неузнаваемой.* [Д. Гранин]; *Веселішим стало Єльчине життя на фермі.* [О. Гончар]; *The bars were full.* [Grace].

2. *Мы были здоровы.* [В. Каверин]; *He стала вона святом Єльчиного життя.* [О. Гончар]; *She's vulnarable.* [S. Sheldon]. *They had all been market boys together.* [Grace]. *It was unfair.* [D. Francis]. *I was tongue-tied* [D. Francis].

3. *Но тут было его право.* [О. Трифонов]; *Это и есть психотерапия, лечение души.* [О. Трифонов]; *Oh, that's a lovely dress* [Cookson]; *This was a city at full pelt.* [Grace].

4. *Кузьмин работал там начальником участка.* [Д. Гранин]; *Факіром Іван повернется, йогом.* [О. Гончар]; *Our Rook was not at ease.* [Grace]; *George Ferndale was a keen horseman.* [C. Cookson].

5. *Нет, все было тихо.* [В. Каверин]; *Все хотят быт талантливыми.* [Д. Гранин]; *Все від неї само іде їм "на скок"...* [О. Гончар].

Имена существительные и контекстно соответствующие им местоимения по своей лексической и референтной семантике ассоциируются с широким спектром объектов и явлений окружающего мира, человеком и его внутренним миром. Однако все эти явления, мыслимые как субстанции, представлены не в действии, не в изменяющемся состоянии, не в отношении с другими субстанциями. Привычно приписываемые семантические роли подлежащего оказываются неприменимыми к подлежащим данного типа высказываний. “Типовая семантическая характеристика (роль)” Агенса (агент, агентив) (от *лат* действующий) предполагает “одушевленного участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является “источником энергии” этого действия” [12, с. 17], “лицо, которое действует для или в интересах других лиц; лицо которое достигает чего-то, получает результаты” [14]. Однако в данном случае субстанция-подлежащее таковым не является. Роль Экспериментер – “субъект чувственного восприятия при глаголах любить, видеть, слышать” [12, там же], “испытывает определенное физическое или психическое состояние, а не выполняет действие”, “претерпевающий” [3, с. 386] также не квалифицируется для подлежащих данного типа предложений, как и роль Актора. Последняя “обозначает лицо, чья роль в событии воспринимается как центральная”, по сути, исходя из примеров П. Шахтера (*Ребенок получит рис от женщины*), роль Бенефициария, но в функции подлежащего [9, с. 339, 331]. В лингвистике уже указывалось на невозможность использования названных смысловых ролей “для идентификации подлежащих в тех предложениях, в которых

Агенса отсутствует, а предложения такого типа составляют значительную часть высказываний языка” [6, с. 259-260]. К таким предложениям Э. Кинен относит: *John is tall. John is a plumber. John is in Chicago.*, то есть “бытийные” предложения и предложения характеристики. Наиболее близко отражает специфику подлежащего в высказываниях такого типа роль “экзистент” (=существующий), предложенная П. Шахтером для подлежащего в бытийном предложении [9, с. 340-342].

Лично-глагольный конститuent сказуемого, или связочный глагол. Независимо от языка для каждой из выборок наиболее частотным является употребление в этой функции глагола “быть (бути) (to be)” – 77.13 % (Ря); 63,29 % (Уя); 92,61 % (Ая) – в значении “существовать”, показывающего существование субстанции-подлежащего в определенном момент или период времени и обладающей неким свойством или характеристикой. *Ропот есть недовольство [Каверин]; Жизнь каждой очереди была хотя и короткой, но увлекательной. [Паустовский]; Гудок – то була пісня заводська [Гончар]; Але ж порядок є порядок [Гончар]; He was no fool [Bates]; They had all been comrades in the market strike a dozen years before [Grace].* При этом независимо ни от соотношенности с той или иной временной сферой, ни от длительности / протяженности описываемого периода, само существование субстанции-подлежащего и атрибутируемой ей характеристики всегда подано как **неизменяющееся** (в рамках данного момента / периода) **состояние**.

Глаголы “работать (кем?)”, “працювати, ходити (ким?)” В Уя и Ря в ряде случаев выступают по своей семантической функции аналогами глагола “быть”, специфицируя процесс как цикличность последовательных действий, представленный как неизменяющееся состояние субстанции – подлежащего, тем самым идентифицируя ее: *Кузьмин работал там начальником участка. [Гранин]; Мати працювала... свинаркою. [Гончар]; Я тоді ще не ходив у січовиках. [Хорунжий]; Я саме тоді ходив у покійових його крулівської милості Яна Казимира. [Хорунжий]; Сравним: I'm a doctor. [Hailey]; I'm a cardiac surgeon. [Sheldon].* (Сравним также: исследуя семантику глагола в аналогичного типа предложениях, В. Каленич подчеркивает, что предикатам такой семантики характерно свойство статичного равновесия, при котором ничего не изменяется и не создается, ориентированность на субъект как носителя данного состояния, замкнутость состояния в сфере субъекта [В. Каленич.]. Другие глаголы, зарегистрированные в выборках, указывают на или называют **изменение состояния** (характеристики) субстанции-подлежащего (либо отрицают изменение): (“затвердеть”, “усохнуть”, “возникнуть”, “становиться”, “стать”, “превратиться” и т.п. (Ря -19%) (“сохраниться”, “остаться” (каким?) – 1 %); (“становити”, “стати”, “настати”, “поставати” “лишитися”, “зостатися” -Уя – 32 % и 3 % соответственно); (“become”, “turn”,

“remain”, “keep” – Ая – 3 %): *Взгляд его становился задумчивым.* [Трифонов]; *Девушка сразу стала холодна и невозмутима, как полярный день.* [Гранин]; *Одразу засталась дочка круглою сиротою.* [Гончар]; *Олекса ще сумнішим стає.* [Гончар]; *She kept silent.* [Bates]; *His lips, his fingernails, his tongue, his feet were turning violet* [Grace].

Именная часть сказуемого. В подавляющем большинстве предложений, независимо от языковой принадлежности в данной функции выступают более или менее распространенные именные фразы, ядром которых являются имена существительные или прилагательные; в отдельных случаях в качестве субъектного исполнителя лично глагольного конституента сказуемого зарегистрированы неопределенные формы глагола, наречия, местоимения, (для Ая – в первую очередь – причастия прошедшего 16,2 % и настоящего времени 2,4 %). В выборках Ая и Уя употребление имени существительного в функции предикатива наблюдается чаще, чем такое же употребление имени прилагательного, в выборке же Ря – соотношение обратное. Для каждого из языков свыше 99 % это имена нарицательные, одушевленные или неодушевленные (в практически равных пропорциях), которые в Ря и Уя регистрируются в обеих возможных падежных формах – Именительного и Творительного падежей с равной вероятностью, независимо от статуса одушевленности / неодушевленности. Форма того или иного падежа прежде всего диктуется особенностями лексической сочетаемости слов – способа управления глаголом формой своего исполнителя: *являться / работать кем: Повковником Лубенського повку є Дмитро Зеленський.* [Хорунжий]; *Самый путь из города на Черноморскую улицу был своего рода лекарством от невзгод. Он будет у нас начальником отдела.* [Паустовский]; *Таня была ему, наверно, лучшей женой.* [Трифонов]; *превратить (ся) в кого / во что: Базарные площади – все эти Толчки, Привозы и Барахолки – превратились в бульжные пустыни.* [Паустовский].

В предложениях имя существительное в функции объектного и/или адвербиального исполнителя лично-глагольного конституента сказуемого соотносится с субстанцией – участником процесса-отношения (объектного или адвербиального). Является ли процесс, соотносимый с предложением -характеризацией также процессом-отношением? С чем соотносится в таком случае имя существительное – предикатив? Ответы становятся очевидными при сопоставлении семантики предикатива-существительного с семантикой предикатива-прилагательного. Поэтому сначала обратимся к описанию функционирования в качестве именной части сказуемого имени прилагательного (а также причастий в Ая).

В выборках Ря и Уя имена прилагательные-предикативы зарегистрированы в своих полной и краткой формах (Уя: полная -52,1 %, краткая – 47,9%; Ря – 50,6 %, – 49,4 % соответственно). В значительной части предложений краткой формой прилагательного выражено состояние:

результат действия, произведенного над субстанцией-подлежащим, или результат изменения субстанции-подлежащего. Например: *Все они были засекречены. Подлинная жизнь была скрыта. Окна были раскрыты. Девушка сразу стала холодна и невозмутима, как полярный день.* [Гранин]; *Семь заповедей тети Даши были вскоре забыты.* [В. Каверин]. Другие примеры свидетельствуют о потенциальной возможности изменения состояния субстанции-подлежащего, состояние-характеристика которого воспринимается как временная, “привязанная” к конкретному моменту, периоду: *Я был болезненно застенчив, угрюм и очень печален. Мать была очень весела в этот вечер.* [Каверин]; *Досі тут більшовиків було непомітно.* [Капельгородський]. Наоборот, полная форма прилагательного-предикатива интерпретируется как вневременная относительно постоянной характеристика субстанции-подлежащего: *Вопрос был жестоким.* [Гранин]; *Мать лежала спокойная, такая же бледная, как всегда. Дядя был холостой.* [Каверин]. Аналогично временный / относительно постоянный характер свойства субстанции-подлежащего в Ая выражен причастными формами или именем прилагательным: *His breathing now was panicky and spasmed. They were almost blocked.* [Grace]. Хотя в Ая прилагательные при таком функционировании (в рамках данной выборки) называют как постоянные, вневременные, так и мигомлетные конкретные состояния-характеристики субстанции-подлежащего: *His mind was lean. The expression on his face was lean.* [Grace] – при общем описании персонажа романа. Для сравнения описание состояния того же персонажа во время приступа астмы, как и в предложении, приведенном выше и соответственно маркированном: *His lips, his fingernails, his tongue, his feet were turning violet. His face was mauve.*

Каждое отдельное прилагательное называет в проанализированных высказываниях одно свойство, одну характеристику субстанции-подлежащего, тогда как имя существительное в функции предикатива называет некоторую субстанцию как принадлежащую определенному классу по целой совокупности конкретных свойств-характеристик. То есть предикатив-прилагательное соотносится с одним свойством (характеристикой) субстанции-подлежащего, а предикатив-существительное – с целым комплексом взаимосвязанных свойств (характеристик) субстанции-подлежащего. (Сравним: “наименование человека дает целое богатство информации, включая отнесенность к группе (семья, социум, и т. д.), ориентацию (адресат / не адресат), фрейм соотносительностей (личное имя, название родства, занятие и т. д.), культурологические ограничения и т. д.... В различных языках имена и описания являются в равной степени важными формами наименований человека... функционально различимы описание, которое служит для категоризации, и имя, служащее для идентификации...” [10].

Через номинализацию одного свойства получаем **процесс-характеризацию (атрибуцию)**, при назывании некоторого комплекса взаимосвязанных свойств имеем дело с **процессом-идентификацией**. Очевидно, что имя существительное-предикатив, идентифицируя субстанцию-подлежащее соотносится не с другой, отличной от подлежащего, субстанцией, а с ней же – то есть, компонентами процесса выступают не две, а только одна субстанция-подлежащее, и процесс-идентификация не является процессом-отношением.

Исходя из особенностей процессов, соотносимых с предложениями рассмотренного типа, можно было бы квалифицировать семантико-ролевые модели как: **Экзистент/Описываемое + Предикат (= копула+атрибут)** и **Экзистент/Идентифицируемое + Предикат (= копула+идентификат)**. Однако понятие “Экзистент” (= существующий), на наш взгляд, имеет ограниченную область применимости, поскольку оно соотносимо исключительно с реально существующими объектами, явлениями действительности. В речи же, как известно, коммуниканты выражают содержание своих мыслей о действительности, причем не только о реальном, но и о мыслимом, возможном – гипотетическом мире, “в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т. п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т. п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки” [4]. В мышлении и в языке человек волен любое явление (не исключительно реально существующее) представить в виде некоей субстанции и наименовать ее в речи именем существительным.

В предложениях бытийных аргумент-подлежащее описывается с точки зрения его местоположения или с позиций его характеристик, свойств. Предложение данную субстанцию как бы выставляет на показ, демонстрирует перед слушателем, читателем – **экспонирует ее для обозрения**.

В Ая существует ряд однокоренных слов, именно такого смысла: глагол *to expose* = 1. *to uncover, leave unprotected*, 2. display, 3. disclose, make known (раскрывать, выставлять на показ, делать известным) [14, с. 300; аналогично: 15, р. 294]. Дериваты от глагола *to expose* употребляются в смыслах: открытый для обзора; выставленный на обозрение – *exposed-to-view*; описание, изображение, выставление чего-л. для всеобщего просмотра – *exposition*; появление на публике, на экране телевизора и т. п., выставка, демонстрация широкой общественности, разоблачение, выведение на чистую воду, вид, местоположение – *exposure* [ABVYY Lingvo]. Существительное *exponent* = *person or thing that explains or interprets, or is a representative or example* (человек или вещь, которая

объясняет, интерпретирует, или является представителем или примером чего-либо) [14, с. 300; 15, р. 294] именуется как раз такой субъект, объект, явление, который предъявлен для обозрения. В словарном составе Ая наличествует также лексема *expositor* (=толкователь; интерпретатор, комментатор), позволяющая пренебречь смыслом “person or thing that explains or interprets (человек или вещь, которая объясняет, интерпретирует)” при терминологическом употреблении лексемы Экспонент. Однако в Ря и Уя данное заимствование (Экспонент, экспонент) употребляется как наименование “участника в художественной или промышленной выставке, выставщика” при “экспонат (экспонат)” – “предмет, представленный на выставку” [11, с. 453; 13, с. 286]. Кроме того, в Ая суффикс латинского происхождения *-ant/-ent* считается продуктивным для образования стилистически нейтральных, не имеющих эмоциональной окраски имен существительных, обозначающих людей, объекты, явления. [см, например, 2, с. 97]. Учитывая вышеизложенное, предлагается квалифицировать смысловую роль Аргумента-подлежащего в бытийных предложениях как **Экспонент – данное для обозрения, описания.**

Таким образом, смысло-ролевые модели анализируемых предложений переписываются как: **Экспонент + Предикат** (= копула+атрибу́т) и **Экспонент + Предикат** (= копула+идентифика́т).

Литература:

1. Алексанова С. А. Синкретизм как системное явление в сфере обстоятельственной детерминации предложения: Автореферат дисс.... доктора филол. наук. 10.02.19 – теория языка. – Ростов-на-Дону, 2009. – 49 с. // <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/2009/13-04/AleksanovaSA.doc>
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с., ил. – На англ. яз. стр 97; <http://www.orangeusd.k12.ca.us/yorba/suffixes.htm>.
3. Валин Р. ван, Фолли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – № 11. – С. 376-410.
4. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IVМеждународная научная конференция “Язык, культура, общество”. Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. – М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал “Вопросы филологии”, 2007. – С. 86–95. // <http://www.infolex.ru>.
5. Каленич В. Семантико-синтаксичні параметри речень з одновалентними дієслівними предикатами стану // semantuko-suntaksuchni.pdf.
6. Кинен Э. Л. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – № 11. – С. 236-276.

7. Ковальчук Н. П. Простые предложения со значением интеллектуальной характеристики субъекта-лица в современном русском языке // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество. – Ялта, 2000. – С. 159-162.

8. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – С.-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

9. Шахтер П. Ролевые и референциальные свойства подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – № 11. – С. 317-356.

10. AD Gargett. Toward an Interactive Model of Person Reference: Paper presented at The 3rd Newcastle Postgraduate Conference in Theoretical and Applied Linguistics, July 2008, University of Newcastle Upon Tyne, Newcastle, UK. // Gargett.pdf.

11. ТСЖВЯ: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Том 4.

12. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.

13. НУРС: Новітній українсько-російський словник / Укладач Л. П. Коврига / За ред. доктора філологічних наук, проф. М. І. Степаненко. – Харків: Белкар-книга, 2006. – 1280 с.

14. ТССАЯ: Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: Специальное издание для СССР. – Т. 1. – 544 с. – Т. 2. – 560 с. – Том 1.

15. Webster's: Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. – Edicion Revolucionaria. – 1983. – 1223 p.